

ПРИЗНАНИЕ | Индивидуальность исполнителя Даниил Саямов считает особенностью русской фортепианной школы

Звук, рождённый талантом

РИТА ДАВЛЕТШИНА

Он мало известен широкой российской публике и уж тем более не популярен, как, к примеру, Денис Мацуев, которого знают даже те, кто не имеет к классической музыке никакого отношения.

Но ценители ставят мастерство Даниила Саямова очень высоко. Особенно за рубежом, где восхищённые рецензии на его концерты – обычное дело. Российская пресса Даниила Саямова публикациями не балует – уж слишком он интровертен. Но, думается, что совсем скоро к Саямову выстроится очередь из журналистов – настолько ярок он на сцене. Так что запомните это имя – вы его ещё услышите.

Даниил Саямов родился в Ростове-на-Дону в семье музыкантов, там же начал образование, но вскоре уехал в Москву, где получил диплом столичной консерватории, а затем – и аспирантуры. Один из любимых учеников Веры Горностаевой, Саямов стал её ассистентом в консерватории и успешно преподаёт специальное фортепиано. К нам он приехал на «Променады в Магнитке» с единственным концертом – «Времена года» Чайковского и «Картинки с выставки» Мусоргского.

– Даниил, во время исполнения произведений на сцене важна связь с публикой, или вы, что называется, «внутри себя», живёте лишь музыкой?

– Исполнительское искусство сродни ораторскому – это работа на публику. С другой стороны, если музыкант сам не заряжен эмоционально, нужные эмоции до публики он не донесёт.

– Критика пишет о вас

красиво, но совершенно непонятно. К примеру: «напряжённый художественный интерес исполнителя» – это что?

– Газета просто процитировала Сергея Васильевича Рахманинова, чем очень мне польстила. Формулировка была бы более понятна людям, родившимся до революции, когда язык в целом был несколько иным. Для меня это сродни набоковскому методу творчества – всматривание в материал. Чем больше разглядываешь, тем больше новых деталей находишь. «Любое произведение, если оно гениально, – неисчерпаемо!» – это фраза Альфреда Шнитке. И чем больше я делаю открытий, тем интереснее и мне как исполнителю, и публике.

– «Классика сквозь призму настоящего времени» – ещё одна фраза о вас.

– Вообще-то, сказана она мной самим, когда журналисты попросили

меня сформулировать творческие принципы. Музыка, написанная в любое время, должна быть пропущена сквозь себя.

– А что свойственно современному исполнению классической музыки? Оно, как и результаты в спорте, стало более технически совершенным, динамичным, нервным?..

– С точки зрения исполнительской техники – безусловно, музыка стала исполняться более совершенно. Но в целом... Как вам сказать... В музыке стало мало индивидуальности, и это я связываю с появлением ю-тьюба. Наверное, это звучит упрощённо, но раньше составляли представление об игре коллег из концертных залов и записей. А к записи пластинок причастны уже те, кто, грубо говоря, чего-то достиг в профессии. Теперь же человек – и я не исключение! – свободно выкладывает свою игру в Интернет. Можно прослушать почти всех пианистов и общее восприятие сглаживается, стираются академические стандарты, интерпретация – одно исполнение похоже на другое. Я уже не могу на слух определить не то что имя пианиста – даже его национальность и темперамент. В этом смысле мне невероятно повезло много лет проучиться в классе профессора Веры Горностаевой – одной из наиболее ярких представительниц русской фортепианной школы. Вера Васильевна всегда пестует в своих учениках именно индивидуальность – как одну из признанных

особенностей как раз русской фортепианной школы.

– Классика становится элементом шоу-бизнеса: райдеры, контракты, фото Анны Нетребко для мужских журналов, глянцевость Дениса Мацуева... Согласны с этим или считаете, что музыка должна остаться миром для избранных?

– Классика не становится, а давно уже стала частью шоу-бизнеса. Это данность, к которой я отношусь как к неизбежному злу.

– А вы готовы стать частью шоу-бизнеса – обратиться к услугам стилистов, имиджмейкеров?.. У Дениса Мацуева, например, есть красивая легенда о начале творческого пути: в три года он подобрал на рояле музыку, которую слышал в прогнозе погоды по телевизору, и родители

отдали его в музыкальную школу. У вас есть подобные истории?

– Когда мама была беременна мной, она играла концерт из произведений французских композиторов... Всё детство прошло вокруг рояля, который стоял в комнате, где я спал... Вот сейчас у меня родилась дочка, а жена тоже давала концерты, будучи беременной. Есть у меня один недостаток для шоу-бизнеса – не умею врать. А стилисты... Как-то воспользовался их услугами, но не понравилось. Решил, что бог – лучший стилист, и я буду таким, каким меня создал он.

– Денис Мацуев играет свои концерты только на роялях Yamaha... У меня нет контрактов с производителями роялей, и заключать таковые в ближайшее время не планирую.

– Это вопрос принципа? А вообще-то, рояли действительно разнятся, или это пиар-ход?

– Разнятся, и очень. В лидерах по-прежнему Steinway, но – и тут я согласен с Михаилом Плетнёвым – лучшие свои рояли они сделали до войны. Мне абсолютно всё равно, на чём играть. Более того, убеждён: пианист обязан уметь играть на любом инструменте. Как-то мне приходилось исполнять первую соль-мажорную сонату Шуберта на абсолютно разбитом Bluthner – и всё прозвучало. На «прощупывание» инструмента мне достаточно пары минут, чтобы подстроиться под его особенности.

– Сейчас многие вместо громоздких классических фортепиано покупают электрические инструменты.

– Цифра не замена классическому инструменту, и ещё лет пятьдесят, уверен, ею не станет. Что такое цифра: нажатие кнопки, посредством которого образуется некий звук, рождённый не в результате грамотного звукоизвлечения и, более того, никак от него не зависящий. Это готовый звук – и в этом принципиальная разница: звукоизвлечение – один из основных моментов в фортепианном мастерстве.

– На заре карьеры вы стали лауреатом столичного конкурса Рахманинова. Победа дала толчок в карьере? Или и без конкурса добились бы успеха?

– Это довольно «кровавая» для меня история. Третий концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова считается самым трудным произведением в фортепианной литературе. Не менее сложна и его соната ре минор. Расписание было составлено так, что эти сочинения я играл подряд: вечером – сонату, следующим утром – концерт. Может, сегодня я бы выдержал эту нагрузку, но тогда сил оказалось недостаточно. В целом играл хорошо, но некоторой свежести исполнения не хватило. В итоге получил третью премию. Конкурс Рахманинова в России известен и узнаваем, но не могу сказать, что он дал какой-то карьерный толчок. С другой стороны, я слишком люблю музыку Рахманинова, чтобы считать участие в конкурсе напрасным.

– Вопрос как к отцу и педагогу: у ребёнка есть талант к музыке, но нет желания заниматься. Надо ли его заставлять, а любовь к профессии придёт потом? Или, если ребёнок не болен музыкой, лучше оставить его в покое, несмотря на способности?

– Ребёнок, по собственной воле занимающийся гаммами с утра до вечера, – большое исключение. У детей фанатизм с желанием заниматься почти не связан: он может болеть музыкой и при этом быть, извините, лентяем. Конечно, заставлять приходится, но надо понимать, нравятся ли ребёнку музыка... Если он с удовольствием посещает концерты классической музыки, заставлять стоит – без этого большие победы невозможны.

– Вас тоже заставляли? (Улыбается). Вы выводите меня на чистую воду.

– У вас есть профессиональная мечта?

– Как и у любого пианиста, это исполнение гениальной музыки, которая ещё не написана.

– Современность – понятие растяжимое: Таривердиев для вас – музыка?

– Музыка, и хорошая. Она абсолютно, если можно так выразиться, нишевая, но Таривердиев в высшей степени талантливый человек, и я его очень ценю как композитора.

– А Игоря Крутого, Константина Меладзе?.. (Улыбается). Без комментариев.

– Кого вы видите будущими Моцартом, Бетховеном?..

– Современники Моцарта тоже вряд ли видели в нём гения для будущих поколений, так что это вопрос, не имеющий ответа. Если говорить о современниках-кумирах, то это, безусловно, Родион Щедрин, а из сверстников назвал бы Алексея Сергунина, который сейчас заканчивает аспирантуру Московской консерватории, и Валентина Сильвестрова – пожалуй, его люблю больше всего.

– Какой концерт был бы для вас более дорог: для десятка знатоков классической музыки или для тысячи случайных слушателей? То есть искусство принадлежит народу или всё-таки элите?

– На этот вопрос у меня есть чёткий ответ. В середине восьмидесятых Вера Горностаева написала замечательную статью «Кому принадлежит искусство». В ней на этот вопрос она ответила исчерпывающе, и я с ней полностью согласен ☺

ФОТО: ЕВГЕНИЙ РУХМАНОВ

Рита ДАВЛЕТШИНА
ответит на ваши
вопросы на сайте
magmetall.ru

